

**Ф.О. Трунов\***

## **ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИЦИИ СССР В ПЕРИОД КАРИБСКОГО КРИЗИСА**

Статья посвящена изучению позиции руководства Советского Союза в период Карибского кризиса 1962 г. Обозначены политические и военно-стратегические факторы, которые обусловили решение советских лидеров о размещении на Кубе ядерных ракет среднего радиуса действия. Рассмотрена реализация этого решения в ходе операции «Анадырь», при этом особое внимание уделено оценке роли фактора скрытности ее проведения. Изучены обстоятельства, предопределившие поиск советским руководством мирных путей разрешения Карибского кризиса. В заключении рассмотрены риски дестабилизации системы стратегической стабильности на современном этапе, в предотвращении которых анализ опыта Карибского кризиса может оказаться востребованным.

**Ключевые слова:** Карибский кризис, Советский Союз, внешняя политика СССР, операция «Анадырь», США, советско-американские отношения, стратегическая стабильность, кризисная дипломатия.

В 2012 г. исполнилось 50 лет Карибскому (Кубинскому ракетному) кризису, который с большой долей вероятности мог перерасти в Третью мировую войну с массовым использованием ядерного оружия. Как известно, большое видится на расстоянии, поэтому сейчас, по прошествии полувека, представляется возможным поновому взглянуть на процесс развития и уроки этого кульминационного эпизода истории «холодной войны».

Изучая события осени 1962 г., необходимо в первую очередь подчеркнуть уникальность возникшей тогда ситуации. Карибскому кризису предшествовали крупные региональные конфликты с участием союзников СССР и США (Корейская война 1950–1953 гг. и Суэцкий кризис 1956 г.), а также Берлинский кризис 1961 г., когда возникла возможность прямого столкновения двух сверхдержав.

Вместе с тем Карибский кризис имел большую военно-политическую остроту, чем конфликты 1950-х годов, продолжался дольше, чем сопоставимый с ним по напряженности Берлинский кризис, а главное – основной причиной эскалации напряженности впервые стала проблема развертывания ядерного оружия, а не

---

\* Трунов Филипп Олегович – выпускник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ltrunov@mail.ru).

политические или территориальные факторы. Именно поэтому в западной историографии Карибский кризис принято называть «Кубинским ракетным» [12; 15].

Еще одной немаловажной характеристикой кризиса 1962 г. уместно считать его географический аспект. Впервые с момента начала «холодной войны» ареной противостояния Советского Союза и Соединенных Штатов Америки стало государство, расположенное в Западном полушарии. В этой связи имеет смысл рассматривать Карибский кризис в качестве отправной точки на пути укрепления советского политического присутствия в Латинской Америке, с середины XIX в. считавшейся зоной исключительных интересов США.

Одним из ключевых вопросов, связанных с Карибским кризисом, является определение основных причин его возникновения. Точкой отсчета, несомненно, стало принятие советским руководством решения о размещении ракет средней дальности (РСД) в ядерном оснащении на территории Кубы. Вместе с тем существовала и вторая причина — негативная реакция администрации Дж. Кеннеди на решение Советского Союза. Американские исследователи Дж. Блайт и Д. Уэлч, обозначая две причины, ставили между ними знак равенства [12, р. 157]. С нашей точки зрения, вторая причина была основной, поскольку без нее даже при принятии советским руководством соответствующего решения кризис бы не возник. Исходя из этого, позицию СССР в октябре 1962 г. представляется необходимым рассматривать *как реакцию на унифицированное американской стороной возникновение конфликтотогенной ситуации.*

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить основные группы факторов, предопределивших принятие руководством СССР решения о размещении ракетного вооружения на Кубе и его последующий отказ от сохранения носителей ядерного оружия на территории острова.

\* \* \*

Развертывание советских ракет среднего радиуса действия на Кубе было вызвано комплексом причин *политического и военного характера.*

К *первой* группе относились следующие причины.

1. *Предотвращение американской интервенции на территорию Кубы*<sup>1</sup>. Приход к власти в стране правительства Ф. Кастро, сменившего в результате революции лояльно настроенный по отношению

---

<sup>1</sup> Данная причина была отмечена, в частности, в материалах ЦРУ, подготовленных в период развития Карибского кризиса [14, р. 141].

к США режим Ф. Батисты, был отрицательно воспринят в Вашингтоне. Считая революционные силы достаточно слабыми, США избрали военное решение вопроса, подготовив силами ЦРУ высадку хорошо вооруженного отряда кубинских эмигрантов в заливе Свиней 17 апреля 1961 г. [подробнее см.: 11, с. 59–69; 7].

Провал данной операции, с одной стороны, нанес удар по имиджу администрации Дж. Кеннеди в мире в целом и в Латинской Америке в особенности, с другой – поставил США перед необходимостью предложить качественно иное военное решение вопроса. 16 октября 1962 г. председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал М. Тейлор озвучил идею задействовать для этих целей значительную военную группировку (250 тыс. военнослужащих) [20, р. 82–83].

В случае начала операции «Мангуст», направленной на силовое устранение правительства Ф. Кастро, в ней, как указывал отечественный исследователь В.И. Есин, должны были принять участие не менее 7 дивизий сухопутных войск и корпуса морской пехоты США, располагавшие тяжелой бронетехникой, а также фронтовой и палубной авиацией [3].

Таким образом, уместно говорить о высокой вероятности открытой военной интервенции Соединенных Штатов против правительства Ф. Кастро, возможность которой СССР хотел предотвратить.

*2. Оказание поддержки первому государству социалистической ориентации в Латинской Америке.* В 1957–1959 гг. Ф. Кастро, придерживаясь левых взглядов, в то же время не рассматривал марксизм в качестве единственно возможной идеологической основы развития кубинского государства. Определяющую роль в выборе Кубы сыграл фактор американского неприятия правительства Ф. Кастро, обусловивший ориентацию последнего на СССР. В этой связи развертывание советского ракетного оружия на территории Кубы уместно рассматривать не только как средство оказания дополнительной поддержки кубинскому революционному правительству [1, с. 121], но и как попытку создания Советским Союзом военно-политической основы закрепления позиций в Западном полушарии.

В данном случае можно согласиться с мнением бывшего заместителя министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко, считавшего, что США не имели формальных оснований для критики военно-политического и экономического проникновения Советского Союза в Латинскую Америку. В подтверждение своей точки зрения Г.М. Корниенко приводит тот факт, что Дж. Кеннеди, готовясь к выступлению 22 октября 1962 г., отверг в достаточно резкой форме предложение использовать «доктрину Монро» как право-

вую основу противодействия активности СССР в Западном полушарии [6, с. 80]. Очевидно, что данная доктрина, разработанная в 1823 г., не отвечала реалиям начала 1960-х годов в условиях полного отказа США от политики изоляционизма после Второй мировой войны.

Среди причин *второй* группы (факторы военно-стратегического характера) определяющей был существовавший в начале 1960-х годов *диспаритет в числе ядерных боезарядов и их носителей между СССР и США в пользу последних*. Количественные характеристики неравенства развернутых носителей ядерного оружия на момент прибытия первых советских РСД на Кубу приведены в таблице.

**Соотношение носителей ядерного оружия СССР и США  
в октябре 1962 г.<sup>2</sup>**

Тип носителей	США	СССР	Преимущество США
Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)	151	48 <sup>3</sup>	3,1:1
Баллистические ракеты средней дальности, достигающие территории друг друга	105	0	Абсолютное
Стратегические бомбардировщики	615	208	2,9:1
Баллистические ракеты на подводных лодках (АПЛ)	96	80	1,2:1
<b>Итого</b>	<b>987</b>	<b>336</b>	<b>2,9:1</b>

На основании приведенных в таблице данных уместно говорить о значительном превосходстве США, которое было еще более ощутимым в условиях относительной ограниченности арсеналов носителей ядерного оружия обеих сторон (несопоставимо меньших по сравнению с уровнем 1970–1980-х годов).

Особенно существенным было преимущество американской стороны в числе РСД, достигающих территории потенциального противника. Такая ситуация сложилась в результате принятия администрацией Д. Эйзенхауэра решения о размещении на территории Великобритании, Италии и Турции ракет типов «Тор» и «Юпитер» в 1957–1960 гг., способных достичь европейской части Советского Союза [21]. Это решение было поддержано пришед-

<sup>2</sup> Рассчитано автором на основе данных, представленных В.И. Есиным в статье «На краю ядерной пропасти», опубликованной в «Военно-промышленном курьере» [3].

<sup>3</sup> Г. Аллисон и Ф. Зеликов приводят другую цифру – 20 МБР у СССР в 1962 г. [1, с. 133].

шей к власти администрацией демократа Дж. Кеннеди, о чем свидетельствует продолжение развертывания данных комплексов в указанных странах до весны 1962 г. включительно [1, с. 135].

В свете перечисленных факторов решение политического руководства СССР о развертывании ракетного вооружения на Кубе, т.е. в непосредственной близости от территории США, представляется, с нашей точки зрения, *симметричным ответом* на размещение аналогичных американских ракетных комплексов в Европе и Турции в конце 1950-х — начале 1960-х годов *в условиях диспаритета* числа ядерных боезарядов и их носителей.

Рассматривая развертывание РСД Советского Союза на территории Кубы, невозможно обойти вниманием вопрос об *оценке фактора скрытности* практической реализации данного решения.

Есть все основания полагать, что именно секретность операции «Анадырь» обеспечила успешное размещение советского военного контингента и ракетного вооружения на Кубе. Такую трактовку, однако, оспаривает Г.М. Корниенко, который считал возможным принятие американской стороной советского решения об *ограниченном* размещении наступательного ракетного вооружения на острове в случае *предварительного* декларирования СССР собственных намерений.

В качестве подтверждения своей точки зрения Г.М. Корниенко приводит заявление Дж. Кеннеди, сделанное 13 сентября 1962 г., до получения информации о появлении советских РСД на Кубе: «Если Куба <...> станет для Советского Союза военной базой со *значительным* [выделено Г.М. Корниенко. — *Ф.Т.*] наступательным потенциалом, то наша страна сделает все, что потребуется, чтобы обеспечить нашу безопасность и безопасность наших союзников» [6, с. 82].

Развивая свое предположение, бывший замминистра иностранных дел СССР также ссылается на заявление Т. Соренсена, специального советника и спичрайтера президента Дж. Кеннеди, о том, что американская сторона рассматривала 100 ракет в качестве максимально допустимого числа носителей ядерного оружия СССР на территории Кубы [6, с. 82].

Предложенная Г.М. Корниенко точка зрения относительно потенциального согласия Соединенных Штатов на размещение советской стороной четко установленного числа носителей ядерного оружия выглядит, по нашему мнению, неубедительной по нескольким причинам.

Во-первых, трудно себе представить, что Вашингтон, заранее зная о решении Москвы разместить РСД на Кубе, не предпринял бы никаких действий превентивного характера с целью не допустить его претворения в жизнь. Подтверждением этого служит уста-

новление жесткой блокады острова американскими ВМС с 23 октября 1962 г. — после официального признания Дж. Кеннеди факта обнаружения советского ракетного оружия в его речи 22 октября 1962 г. [1, с. 480]. В этой связи уместно напомнить, что данная блокада привела к свертыванию перевозок советского военного контингента и грузов (включая ракеты) на территорию Кубы. Подобное решение (сопровожаемое вторжением вооруженных сил США на Кубу) с высокой долей вероятности было бы принято и в том случае, если бы СССР обозначил свои намерения заранее.

Во-вторых, вызывает сомнение сама возможность предварительного объявления Советским Союзом о своем намерении разместить ядерные ракеты на Кубе на фоне отсутствия аналогичных действий со стороны администраций Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди в связи с развертыванием американского ядерного оружия и его носителей в Великобритании, Турции и Италии.

В-третьих, жесткая реакция американской стороны на действия СССР последовала уже в тот момент, когда на острове было размещено только 36 ракет [3]. Согласие Соединенных Штатов на второе большую по количеству носителей ракетную группировку СССР на Кубе представляется крайне маловероятным.

Вместе с тем следует отметить, что принятие решения об обеспечении режима секретности в период перевозки и развертывания советских носителей ядерного оружия привело к отсутствию необходимой информации у посольства СССР в США. По воспоминаниям Г.М. Корниенко, вплоть до 25 октября 1962 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Соединенных Штатах Америки А.Ф. Добрынин не располагал необходимыми директивами из Министерства иностранных дел СССР по вопросам выстраивания советской внешнеполитической линии [6, с. 91]. Кроме того, незадолго до начала кризиса, 18 октября 1962 г., министр иностранных дел СССР А.А. Громыко указал А.Ф. Добрынину, что на Кубе имеется исключительно оборонительное советское оружие [2, с. 63], не сказав о наличии РСД.

Данная проблема проявилась, в частности, в ходе беседы А.Ф. Добрынина с братом президента США и его доверенным лицом Р. Кеннеди 23 октября 1962 г. [6, с. 91]. Отсутствие полной и своевременной информации привело к сбоям в работе переговорного канала А.Ф. Добрынин — Р. Кеннеди, что, безусловно, негативно отразилось на дальнейшем развитии событий.

Однако при всей важности взаимодействия по линии посольства СССР в США ключевую роль в ходе Карибского кризиса и его разрешении сыграл регулярный обмен письмами между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди. Анализ этой переписки позволяет проследить изменение советской позиции в ходе кризиса.

В ответ на выступление Дж. Кеннеди 22 октября 1962 г., в котором было публично заявлено об обнаружении советских ракет на Кубе и провозглашена необходимость установления морской блокады острова [1, с. 480], Н.С. Хрущев 23 и 24 октября 1962 г. передал два послания американскому президенту. В них была обозначена готовность СССР проводить жесткую линию, отстаивая независимость кубинского партнера [6, с. 91–92].

В то же время советское руководство проявляло все большее беспокойство в связи с возможностью перерастания кризиса в полномасштабный конфликт с использованием ядерного оружия и рассматривало вариант изменения своей позиции. Косвенным подтверждением этого служат, во-первых, отмеченное отсутствие директив для посольства СССР в Соединенных Штатах (и, следовательно, конкретных мер по реализации жесткой линии), во-вторых, пауза 25 октября 1962 г., взятая руководством Советского Союза в ежедневном обмене письмами.

Результатом пересмотра проводимой линии стало письмо, подготовленное при активном личном участии Н.С. Хрущева в первой половине дня 26 октября 1962 г. В нем, в частности, было отмечено: «Если бы были даны заверения президента и правительства Соединенных Штатов в том, что США не будут сами участвовать в нападении на Кубу и будут удерживать от подобных действий других, если Вы отзовете свой флот, <...> тогда будет иначе стоять и вопрос об уничтожении не только оружия, которое Вы называете наступательным, но и всякого другого оружия» [10, с. 27–28].

Таким образом, Н.С. Хрущевым была предложена формула компромисса: отказ СССР от ракетного вооружения на Кубе в обмен на аналогичное решение США в отношении вторжения на кубинскую территорию. Предлагаемая в письме 26 октября 1962 г. уступка советской стороны имела гораздо большее военнополитическое значение, чем требуемое в ответ американское решение об отказе от интервенции на Кубу. По мнению Г.М. Корниенко, основной причиной предложения столь несопоставимого обмена была точка зрения Н.С. Хрущева о том, что «главное в данный момент – предотвратить вторжение на Кубу, а к Турции можно будет вернуться потом» [6, с. 96].

Действительно, 27 октября 1962 г. Н.С. Хрущев через американского посла в СССР Ф. Колера передал новое письмо, в котором наряду с требованием отказа США от вторжения на Кубу в обмен на вывод советского ракетного оружия с острова подчеркивалась необходимость для Вашингтона «вывести свои аналогичные средства из Турции» [10, с. 27–28].

Таким образом, советская сторона постаралась «выровнять» размер и политический вес взаимных уступок по сравнению с

предложением от 26 октября. 27 октября 1962 г. после заседания Исполнительного комитета Совета национальной безопасности США Дж. Кеннеди положительно ответил на письмо Н.С. Хрущева от 26 октября, в то же время обойдя молчанием новые советские требования, выдвинутые 27 октября. Однако решение данной проблемы было найдено в ходе встречи Р. Кеннеди с А.Ф. Добрыниным, когда американский представитель отказался от заключения официальной договоренности по ракетам в Турции и Италии, но передал давно созревшее желание президента Дж. Кеннеди вывезти данные комплексы [13, р. 432–433]. 28 октября 1962 г. по радио был официально передан положительный ответ Н.С. Хрущева на письмо Дж. Кеннеди от 27 октября, при этом по линии А.Ф. Добрынин – Р. Кеннеди было отмечено, что данное решение действительно только при условии выполнения конфиденциальной договоренности по Турции.

Таким образом, 28 октября 1962 г. стороны, достигнув соглашения о взаимных уступках, урегулировали основные противоречия, приведшие к возникновению Карибского кризиса.

Далее обозначим комплекс *военно-политических* причин отказа СССР от сохранения стратегических носителей на Кубе.

С нашей точки зрения, важнейшим среди военно-стратегических факторов формирования позиции СССР в ходе кризиса была *незавершенность процесса развертывания советской ракетной группировки на Кубе*. Уже упомянутый нами В.И. Есин, бывший также непосредственным участником операции «Анадырь», указывал, что к моменту введения морской блокады против Кубы (23 октября 1962 г.) на территорию острова из 5 полков 51-й ракетной дивизии (по 12 боевых ракет Р-12 или Р-14 в каждом) прибыли и находились в процессе приведения в боевую готовность лишь 3 (79-й, 181-й и 664-й) [3]. Ситуация осложнялась также тем, что в распоряжении прибывших полков были лишь ракеты Р-12, в то время как более мощные Р-14 находились в составе не успевших передислоцироваться на Кубу 665-м и 668-м полках [3]. Академик РАН А.А. Кокошин указывает, что дальность полета ракеты Р-12 составляла 2200 км, а Р-14 – 4500 км [5, с. 13].

Следовательно, из общего числа 60 боевых РСД к моменту возникновения острой фазы кризиса на Кубе находилось лишь 36. Дополнительным подтверждением того, что на острове должны были разместиться все 5 полков 51-й ракетной дивизии, является сосредоточение на кубинской территории к 23 октября 1962 г. 60 головных частей ракет РСД Р-12 и Р-14 с соответствующим числом ядерных боезарядов [3]. Уместно отметить, что неполный состав советской ракетной группировки и, следовательно, значительно меньшее, чем было запланировано, число ракет, дости-

гающих территории противника, сыграли важную роль в изменении позиции СССР 25–26 октября.

В тесной взаимосвязи с проблемой незавершенности развертывания советского ракетного вооружения находился и вопрос о *невозможности обеспечения обороны кубинской территории имеющимися на острове советскими войсками в случае проведения США полномасштабной военной операции.*

Советская группировка насчитывала лишь немногим более 41 тыс. человек [5, с. 12], имевших незначительный по продолжительности (1,5 месяца и менее) опыт знакомства с особенностями абсолютно нового для них кубинского театра военных действий [3]. Американский контингент, который предполагалось привлечь к военной операции, имел в своем составе до 250 тыс. человек, в том числе 5 пехотных дивизий и до 2 дивизий морской пехоты (включая 16 тыс. морских пехотинцев, сосредоточенных на базе Гуантанамо на юге Кубы) [3], и более чем 1,5-летний опыт подготовки на хорошо известном им театре военных действий.

Американская сторона обладала и значительным превосходством в средствах поддержки готовившейся операции, в первую очередь в силах авиации и военно-морского флота. Соединенные Штаты располагали 430 фронтовыми бомбардировщиками и истребителями-бомбардировщиками, базировавшимися как на американских аэродромах, так и на 8 авианосцах [3]. Число боевых самолетов, имевшихся в распоряжении советских войск, было ограниченным, особенно учитывая сложность использования тяжелых бомбардировщиков Ил-28 в качестве авиации фронтовой поддержки.

Таким образом, в случае вторжения группировки вооруженных сил США на Кубу вероятность не только нанесения поражения советским войскам на острове, но и возможной ликвидации правительства Ф. Кастро была крайне высокой.

Ситуацию усугубляла *невозможность наращивания сил и средств* (в том числе ракетного вооружения) советской группировки на Кубе после установления морской блокады со стороны ВМС США 23 октября 1962 г.

Столь значительное влияние морской блокады на ход развития Карибского кризиса во многом объясняется отсутствием у СССР в начале 1960-х годов достаточно мощного океанского флота (особенно его надводной составляющей). Кризисная ситуация 1962 г. продемонстрировала невозможность обеспечения военно-политического и экономического присутствия СССР в отдаленных регионах земного шара без полноценного океанского флота и, с нашей точки зрения, могла стать дополнительным стимулом к его ускоренному созданию в начале 1970-х годов.

Важную роль в изменении позиции СССР в ходе Карибского кризиса сыграли также *факторы политического характера*, в первую очередь устранение первопричины появления советского ракетного вооружения на Кубе — угрозы военного вторжения США на остров. Американские гарантии ненападения на кубинскую территорию и обещание удерживать от подобных действий союзников США снимали проблему выживания режима Ф. Кастро, создавая необходимые предпосылки для закрепления участия Кубы в социалистическом лагере.

В то же время решение о выводе ракетного вооружения, принятое руководством СССР без предварительных консультаций с правительством Ф. Кастро, вызвало негативную реакцию последнего. В целях урегулирования советско-кубинских противоречий на Кубу в ноябре 1962 г. прибыл личный представитель Н.С. Хрущева А.И. Микоян. В ходе переговоров ему удалось убедить Ф. Кастро в том, что решение о выводе советского ракетного вооружения необходимо было принимать оперативно (ввиду угрозы нанесения удара по Кубе и возникновения возможности широкомасштабного конфликта с применением ядерного оружия) и что консультации с кубинским руководством затруднили бы его своевременное принятие<sup>4</sup>.

Миссия А.И. Микояна была дополнена двумя военно-политическими мерами, направленными на укрепление обороноспособности Кубы:

— безвозмездной передачей кубинской стороне значительной части конвенционального вооружения советской группировки, выводившейся с Кубы [4];

— сохранением на территории страны мотострелковой бригады [4] как фактора военно-политического присутствия Советского Союза.

Еще одним значимым политическим фактором формирования советской позиции стало конфиденциальное согласие администрации Дж. Кеннеди осуществить демонтаж и вывоз американских ракет среднего радиуса действия с территории Турции и Италии, что и было сделано в начале 1963 г.

Решение администрации президента Дж. Кеннеди в значительной степени сократило диспаритет СССР и США в числе РСД. Однако такие же ракеты на территории Великобритании сохранились, равно как и проблема неравенства количества межконтинентальных баллистических ракет (см. таблицу).

---

<sup>4</sup> Стенограммы переговоров А.И. Микояна с кубинским руководством 19 ноября 1962 г. и с Ф. Кастро 22 ноября 1962 г. даны в приложении к книге С.А. Микояна «Анатомия Карибского кризиса» [8].

Таким образом, в результате урегулирования Карибского кризиса 27–28 октября 1962 г. Советскому Союзу удалось снять основные проблемы, связанные с безопасностью как самого СССР (размещение американских РСД в Италии и Турции), так и его союзника в Западной полушарии – Кубы (угроза открытой интервенции США).

Вместе с тем столь резкое изменение советской позиции 25–26 октября 1962 г., с нашей точки зрения, объяснялось в первую очередь военными причинами, связанными с незавершенностью процесса развертывания как войсковой группировки, так и ракетных комплексов среднего радиуса действия до предполагаемой численности.

\* \* \*

Рассматривая итоги Карибского (Кубинского ракетного) кризиса, необходимо подчеркнуть непреходящую актуальность изучения его опыта.

Кризис 1962 г. возник в условиях развертывания относительно небольшого количества носителей ядерного оружия каждой из сторон (от 400 до 1000). Столь значительная ограниченность арсеналов резко увеличивала риск их использования, в отличие от ситуации второй половины 1970-х – 1980-х годов, когда СССР и США располагали уже 5–10 тыс. носителей ядерного оружия. С 1987 г. количество носителей у СССР/РФ и США вновь существенно сократилось, что породило целый ряд рисков, в предотвращении которых опыт Карибского кризиса может оказаться востребованным.

*Первая группа рисков* связана с возможностью приближения ядерных арсеналов третьих держав (в первую очередь КНР) к уровню РФ и США. В отличие от России, у Китая нет столь значительного опыта, а также всеобъемлющего понимания правил размещения носителей ядерного оружия и возможных угроз, связанных с его развертыванием. В перспективе это может привести к возникновению ситуаций, схожих по модели с Карибским кризисом. Так, на данном этапе китайская сторона рассматривает американскую систему ПРО как угрозу, подрывающую ядерный потенциал КНР [9, с. 213]. Следовательно, реакция Поднебесной на размещение ракетного вооружения США вблизи ее границ может привести к значительному росту напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что, в частности, проявилось в период Тайваньских кризисов середины 1990-х годов.

*Вторая группа рисков* обусловлена вероятностью возникновения ситуаций, когда размещение даже небольшого количества ракет (или противоракет) в географической близости от территории

потенциального противника может стать причиной серьезного политического кризиса. Иллюстрацией второй группы рисков может служить развертывание Третьего позиционного района ПРО Соединенных Штатов Америки в Европе. Геополитически продуманное американское размещение 100–200 ракет (противоракет) в Восточной Европе может сократить возможности российского ответного удара, привести к резкому снижению уровня уязвимости территории США и в перспективе позволить Вашингтону проводить более жесткую линию без учета баланса интересов других международных акторов.

Приведенный пример позволяет показать также отличия ситуации начала 1960-х годов от современного положения дел в сфере стратегической стабильности. Во внешнеполитических подходах США резко усиливается роль оборонительных систем ракетного вооружения. Это, в свою очередь, обуславливает возникновение качественно новых рисков для российского потенциала средств доставки ядерного оружия, создавая необходимость поиска не только симметричных, но и асимметричных ответов на новые угрозы.

Карибский кризис 1962 г. позволяет, с одной стороны, лучше оценить последствия возникновения отмеченных рисков, с другой – понять механизмы их предотвращения. При всех его негативных составляющих данный кризис продемонстрировал возможность разрешения военно-политической конфликтогенной ситуации в условиях ядерного диспаритета через симметричный ответ на предшествующие действия оппонента.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения на примере Карибского ракетного кризиса 1962 г. М.: URSS, 2011.
2. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Автор, 1997.
3. Есин В.И. На краю ядерной пропасти // Военно-промышленный курьер. 2012. № 42 (459). С. 11.
4. Есин В.И. Поучительные уроки Карибского кризиса // Военно-промышленный курьер. 2012. № 43 (460). С. 11.
5. Кокошин А.А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. М.: ЛЕНАНД, 2012.
6. Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1994.
7. Куба: 50 лет разгрома контрреволюционных сил под Плайя-Хирон // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 5 (770). С. 102–103.
8. Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006.
9. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012.

10. Секреты Карибского кризиса. Переписка между Н.С. Хрущевым и Джоном Ф. Кеннеди, октябрь – декабрь 1962 г. // Международная жизнь, 1992. Специальный выпуск.
11. *Сергеев Ф.* Тайная война против Кубы. М.: Прогресс, 1982.
12. *Blight J.G., Welch D.A.* On the Brink. N.Y., 1990.
13. *Bundy M.* Danger and Survival: Choices about the Bomb in the First Fifty Years. N.Y.: Random House, 1988.
14. CIA. Probable Soviet MRBM Sites in Cuba, October 16, 1962 // CIA Documents on the Cuban Missile Crisis. Washington, D.C.: CIA History Staff, 1992.
15. Cuba on the Brink: Castro, the Missile Crisis and the Soviet Collapse / Ed. by J.G. Blight, B.J. Allyn, D.A. Welch. N.Y.: Pantheon Books, 1993.
16. *George A.L.* Presidential Decision-making in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder: Westview, 1980.
17. *Kennedy R.F.* Thirteen Days: A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N.Y.: W.W. Norton, 1968.
18. *Kissinger H.* The Necessity for Choice. N.Y.: Harper and Row, 1960.
19. *Lemke M.* Die Berlinkrise 1958–1963: Interessen und Handlungsspielrume der SED in Ost-West Konflikt. Berlin: Akademie Verlag, 1995.
20. *May E.R., Zelikow P.D.* The Kennedy Tapes: Inside the White House During the Cuban Missile Crisis. Cambridge: Harvard University Press, 1997.
21. *Nash P.* The Other Missiles of October: Eisenhower, Kennedy and the Jupiters, 1957–1963. Chapel Hill: University of North Caroline Press, 1997.
22. *Neustadt R.E.* Presidential Power and the Modern Presidents: The Politics of Leadership from Roosevelt to Reagan. N.Y.: Free Press, 1990.
23. *Salinger P.* With Kennedy. N.Y.: Doubleday, 1966.
24. *Sorensen T.* Kennedy. N.Y.: Harper and Row, 1965.